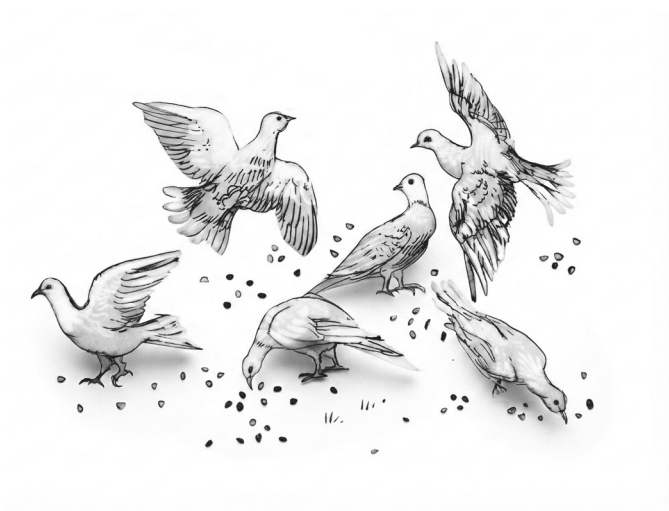
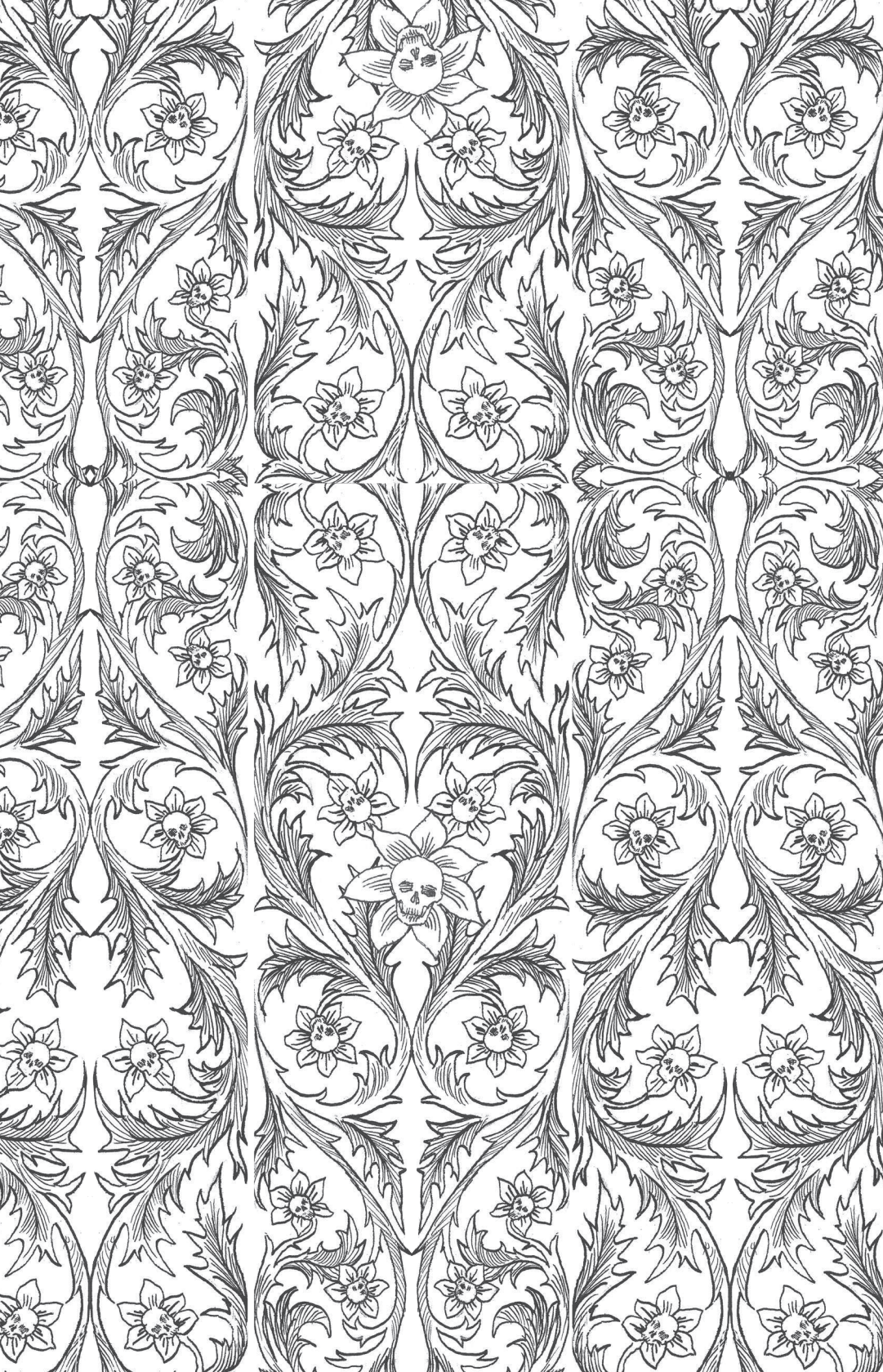

СТРАШНЫЕ
РУССКИЕ
СКАЗКИ.

бумажный
фонарик

Почему так страшно?

Страх — эмоция, без которой не выжил бы ни современный человек, ни его далёкий предок, веривший в Перуна и приносящий дары домовому. Страх помогал устанавливать и поддерживать нормы общества, воспитывать детей, сбрасывать психическое напряжение. Мы можем проследить, какую функцию выполняет страх в разных фольклорных жанрах.

Так, например, нормы поведения устанавливались быличками и бывальщинами. Эти произведения рассказывают о встрече человека с нечистой силой: домовыми, банниками, лешими, водяными, ведьмами, оборотнями, покойниками. Рассказы такого типа сообщают, что нельзя делать, чтобы не навлечь гнев нечистых, и что предпринять, если встреча с ними всё же состоялась. Персонажи народной демонологии страшны своим появлением как таковым, но ещё больше ужаса наводит их внешний вид: кривые, хромые, горбатые, с рядами зубов, неподпоясанные и в лохмотьях. Они могут превращаться в людей, животных, растения и даже предметы, издавать жуткие звуки и тем самым намеренно пугать человека. Нечистые могут пугать человека просто ради забавы или в наказание за нарушение установленных правил сосуществования мира людей и духов. Более злонамеренные существа способны причинить человеку вред или вовсе

погубить. Например, того, кто посетил баню после полуночи, мог наказать дух этого места — банник: содрать кожу, задушить или упарить до смерти.

Особняком стоят поверья о покойниках, в частности «заложных» (иначе «нечистых», «ходячих») — тех, кто не упокоился, а по каким-то причинам продолжает посещать мир людей. Они бродят по свету, являются чаще всего тем, кто о них горюет, пугают своим появлением, шумят и наводят беспорядок. Самоубийцы могут являться прохожим, морочить их, глумиться, провоцируя на поведение, опасное для жизни. «Заложные» покойники могут задушить, высосать кровь, жизненные силы, съесть человека. Иногда будущая жертва сама провоцирует покойника: забирает у него что-либо и получает за это наказание.

Одним из наиболее популярных фольклорных жанров является сказка. В детстве, читая волшебные сказки (которые изначально создавались вовсе не для детей), мы пугаемся главных злодеев: Бабу-ягу, Змея Горыныча и Кощея Бессмертного. Устрашающий внешний вид Ягинишны (костяная нога, железные зубы) сближает её с покойниками и демоническими персонажами, избушка старухи связана с традиционными захоронениями — домовинами, а значит, и с загробным миром. Змея Горыныча считают «наследником» мифа о летающем змее, который являлся женщинам, вступал с ними в связь, от которой те чахли и погибали. В сказочных сюжетах

Змей очаровывает царевну, пытается погубить царевича, но в финале гибнет от его рук сам. Кошечка воспринимали как бога или царя мира мёртвых, древнего бога холода, могущественного колдуна, которого, пожалуй, можно сравнить с Королём Ночи из сериала «Игра престолов». Но эти герои — далеко не самое страшное, что бывает в произведениях этого жанра. Вероятно, многие если не читали, то хотя бы слышали об оригинальных (неотредактированных) сказках братьев Гримм. Не стоит думать, что русские сказки были более нежными со своей аудиторией. Однако многие вещи, которые испугают сейчас нас с вами, не вызвали бы такого потрясения у наших предков. В то же время страшное в сказках создавалось намеренно и использовалось, в частности, для установки норм поведения, коллективного переживания реальных страхов.

Другой традиционный жанр — колыбельные. Хотя в них и не заложено намерение напугать читателя и нет испытывающего страх героя, своей жестокостью они повергли бы в ужас современных матерей. Приведём фрагмент такой колыбельной, записанной в Тульской губернии в начале XX века:

Бай да бай,
Поскорее помирай!
Помри поскорее!
Буде хоронить веселее,

С села повезем
Да святых запоем,
Захороним, загреbem
Да с могилы прочь уйдем.

Можно решить, что в старину матери были жестоки, не могли или не хотели прокормить всех своих детей и надеялись, что кто-то скоро умрёт и облегчит жизнь семье. Отношение к детской смертности было не таким, как сейчас. Но этим всё не объясняется. Причины лежат глубже — в мифологическом сознании. Мать, желая своему чаду смерти, пытается обмануть вредоносные потусторонние силы, которые могут причинить вред ребёнку — а если он мёртв, то и причинять вред некому — нечистая сила покинет дом и младенец останется здоров. Так что страшные пожелания на самом деле таят желание уберечь своё дитя.

Ещё один жанр, связанный с детством, — страшилки, или страшные истории, которые дети рассказывают друг другу. Возможно, вы помните пугающий гроб на колёсиках, который ищет девочку, или таинственный пирожок, в котором мать обнаруживает ноготок своей дочери. Сейчас эти рассказы покажутся скорее нелепыми, чем страшными, но в детстве они вызывали сильные эмоции и были необходимы для того, чтобы проецировать и переживать таким образом реальные страхи, разделять чувство страха со сверстниками. Такое безопасное

соприкосновение со страхом является необходимым этапом взросления.

Взрослые люди пересказывают друг другу уже не страшилки, а городские легенды. Это короткие рассказы, передающие якобы подлинные истории, не обязательно мистические. Очень много городских легенд предавалось из уст в уста в СССР. Например, советский человек верил в то, что американцы зашивают в швы экспортируемых джинсов клопов, чтобы вредить советскому гражданину. Позднее стали бояться иголок, заражённых СПИДом, подложенных специально в детские песочницы, воткнутых в сиденья автобусов и кинотеатров. Не так давно были популярны «ковидные» легенды. Что у всех этих историй общего с архаикой? Городские легенды так же помогают осмыслить мир, объединиться и противостоять потенциальным угрозам, исходящим от чего-то неизвестного и непонятного: нечистой силы, группы людей или нового вируса.

Независимо от жанра, людей пугало и продолжает пугать неизвестное и непонятное — то, что связано с потусторонним миром или людьми, отличающимися от «своих». Этот страх древний и обусловленный эволюционно. Он отражается в фольклорных произведениях разных жанров и современных хоррорах.

Страх помогал нашим предкам выжить, поможет и нам.

Яна Поцелуйко

Два Ивана солдатских сына

некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик. Пришло время — записали его в солдаты; оставляет он жену беременную, стал с нею прощаться и говорит:

— Смотри, жена, живи хорошенько, добрых людей не смей, домишка не разори, хозяйничай да меня жди; авось бог даст — выйду в отставку, назад приду. Вот тебе пятьдесят рублёв; дочку ли, сына ли родишь — всё равно сбереги деньги до возраста: станешь дочь выдавать замуж — будет у ней приданое; а коли бог сына даст да войдёт он в большие года — будет и ему в тех деньгах подспорье немалое.

Попрощался с женою и пошёл в поход, куда было велено. Месяца три погодя родила баба двух близнецов-мальчиков и назвала их Иванами солдатскими сыновьями.

Пошли мальчики в рост; как пшеничное тесто на опаре, так кверху и тянутся. Стукнуло ребятам десять лет, отдала их мать в науку; скоро они научились грамоте и боярских и купеческих детей за пояс заткнули — никто лучше их не сумеет ни прочесть, ни написать, ни ответу дать. Боярские и купеческие дети позавидовали и давай тех близ-

нецов каждый день поколачивать да пощипывать. Говорит один брат другому:

— Долго ли нас колотить да щипать будут? Матушка и то на нас платица не нашьётся, шапочек не накопится; что ни наденем, всё товарищи в клочки изорвут! Давай-ка расправляться с ними по-своему.

И согласились они друг за друга стоять, друг друга не выдавать. На другой день стали боярские и купеческие дети задирать их, а они — полно терпеть! — как пошли сдачу давать: тому глаз долой, тому руку вон, тому голову на сторону! Всех до единого перебили. Тотчас прибежали караульные, связали их, добрых молодцев, и посадили в острог. Дошло то дело до самого царя; он призвал тех мальчиков к себе, расспросил про всё и велел их выпустить.

— Они, — говорит, — не виноваты: на зачинщиков бог!

Выросли два Ивана солдатские дети и просят у матери:

— Матушка, не осталось ли от нашего родителя каких денег? Коли остались, дай нам; мы пойдём в город на ярмарку, купим себе по доброму коню.

Мать дала им пятьдесят рублёв — по двадцати пяти на брата и приказывает:

— Слушайте, детушки! Как пойдёте в город, отдавайте поклон всякому встречному и поперечному.

— Хорошо, родимая!

Вот отправились братья в город, пришли на конную, смотрят — лошадей много, а выбрать не из чего; все не под стать им, добрым молодцам! Говорит один брат другому:

— Пойдём на другой конец площади; глядь-ка, что народу там толпится — видимо-невидимо!

Пришли туда, протолпились — у дубовых столбов стоят два жеребца, на железных цепях прикованы: один на шести, другой на двенадцати; рвутся кони с цепей, удила кусают, роют землю копытами. Никто подойти к ним близко не сможет.

— Что твоим жеребцам цена будет? — спрашивает Иван солдатский сын у хозяина.

— Не с твоим, брат, носом соваться сюда! Есть товар, да не по тебе; нечего и спрашивать.

— Почём знать, чего не ведаешь; может, и купим; надо только в зубы посмотреть.

Хозяин усмехнулся:

— Смотри, коли головы не жаль!

Тотчас один брат подошёл к тому жеребцу, что на шести цепях был прикован, а другой брат — к тому, что на двенадцати цепях держался. Стали было в зубы смотреть — куда! Жеребцы поднялись на дыбы, так и храпят... Братья ударили их коленками в грудь — цепи разлетелись, жеребцы на пять сажен отскочили, вверх ногами попадали.

— Вона чем хвастался! Да мы этаких клячей и даром не возьмём.

Народ ахает, дивуется: что за сильные богатыри проявились! Хозяин чуть не плачет: жеребцы его поскакали за город и давай разгуливать по всему чистому полю; приступить к ним никто не решается, как поймать — никто не придумает. Сжалились над хозяином Иваны солдатские дети, вышли в чистое поле, крикнули громким голосом, молодецким посвистом — жеребцы прибежали и стали на месте словно вкопанные; тут надели на них добрые мóлодцы цепи железные, привели их к столбам дубовым и приковали крепко-накрепко. Справили это дело и пошли домой.

Идут путём-дорогою, а навстречу им седой старичок; позабыли они, что мать наказывала, и прошли мимо не здороваясь, да уж после один спохватился:

— Ах, братец, что ж это мы наделали? Старичку поклона не отдали; давай нагоним его да поклонимся.

Нагнали старика, сняли шапочки, кланяются в пояс и говорят:

— Прости нас, дедушка, что прошли не здороваясь. Нам матушка строго наказывала: кто б на пути ни встретился, всякому честь отдавать.

— Спасибо, добрые мóлодцы! Куда вас бог носил?

— В город на ярмарку ходили; хотели купить себе по доброму коню, да таких нет, чтоб нам пригодились.

— Как же быть? Нешто подарить вам по лошадке?

— Ах, дедушка, если подаришь, станем за тебя вечно бога молить.

— Ну пойдёте!

Привёл их старик к большой горе, отворяет чугунную дверь и выводит богатырских коней:

— Вот вам и кони, добрые молодцы! Ступайте с богом, владейте на здоровье!

Они поблагодарили, сели верхом и поскакали домой; приехали на двор, привязали коней к столбу и вошли в избу. Начала мать спрашивать:

— Что, детушки, купили себе по лошадке?

— Купить не купили, даром получили.

— Куда ж вы их дели?

— Возле избы поставили.

— Ах, детушки, смотрите — не увёл бы кто!

— Нет, матушка, не таковские кони: не то что увести, и подойти к ним нельзя!

Мать вышла, посмотрела на богатырских коней и залилась слезами:

— Ну, сынки, верно вы не кормильцы мне.

На другой день просятся сыновья у матери:

— Отпусти нас в город, купим себе по сабельке.

— Ступайте, родимые!

Они собрались, пошли на кузницу; приходят к мастеру.

— Сделай, — говорят, — нам по сабельке.

— Зачем делать! Есть готовые; сколько угодно — берите!

— Нет, брат, нам такие сабли надобны, чтоб по триста пудов весили.

— Эх, что выдумали! Да кто ж такую махину ворочать будет? Да и горна такого во всём свете не найдёшь!

Нечего делать — пошли добрые молодцы домой и головы повесили; идут путём-дорогою, а навстречу им опять тот же старичок попадает.

— Здравствуйте, молодые юноши!

— Здравствуй, дедушка!

— Куда ходили?

— В город, на кузницу; хотели купить себе по сабельке, да таких нет, чтоб нам по руке пришлись.

— Плохо дело! Нешто подарить вам по сабельке?

— Ах, дедушка, коли подаришь, станем за тебя вечно бога молить.

Старичок привёл их к большой горе, отворил чугунную дверь и вынес две богатырские сабли. Они взяли сабли, поблагодарили старика, и радостно, весело у них на душе стало! Приходят домой, мать спрашивает:

— Что, детушки, купили себе по сабельке?

